

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА ПРИНЦИПАТА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

И. А. ЕФРЕМЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проведен анализ историографического изучения одного из ключевых вопросов политической истории Римской империи. Более столетия историки спорят относительно того, как можно определить политическую систему Римской империи первых двух столетий нашей эры. Решение проблемы было тесно сопряжено с изменениями в методологических основах исторической науки, в подходе к изучению исторических источников. Во второй половине XIX и первой половине XX в. историки, руководствуясь прежде всего позитивистским подходом, дискутировали о сущности императорской власти в Римской империи в рамках бинарной оппозиции монархия – республика. Во второй половине XX в. в исторической науке появилось много новых подходов: теория практик, история понятий, постструктурализм, что, в свою очередь, открыло большие просторы в изучении политической истории Римской империи. Используя новые методы, историки начали изучать практики принятия политических решений в империи, символическую сторону политики, язык и многие другие явления, прежде остававшиеся в тени. В результате споров о природе системы принципата (монархической или республиканской) историки пришли к пониманию того, что принципат был специфически античной формой политической организации, не сводящейся к монархии или республике.

Ключевые слова: историография; Римская империя; Октавиан Август; император; принципат.

ВЫЗНАЧЭННЕ ПАЛІТЫЧНАЙ СІСТЭМЫ РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ ПЕРЫЯДУ ПРЫНЦЫПАТУ: ГІСТОРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

І. А. ЯФРЭМЕНКА^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Праведзены аналіз гістарыяграфічнага вывучэння аднаго з ключавых пытанняў палітычнай гісторыі Рымскай імперыі. Больш за стагоддзе гісторыкі спрачаюцца адносна таго, як можна вызначыць палітычную сістэму Рымскай імперыі першых двух стагоддзяў нашай эры. Рашэнне праблемы было цесна спалучана са зменамі ў метадалагічных асновах гістарычнай навукі, у падыходзе да вывучэння гістарычных крыніц. У другой палове XIX і першай палове XX ст. гісторыкі, кіруючыся перш за ўсё пазітывісцкім падыходам, дыскутавалі аб сутнасці імператарскай улады ў Рымскай імперыі ў рамках бінарнай апазіцыі манархія – рэспубліка. У другой палове XX ст. у гістарычнай навуцы з’явілася шмат новых падыходаў: тэорыя практык, гісторыя паняццяў, постструктуралізм, што, у сваю чаргу, адкрыла вялікія прасторы ў вывучэнні палітычнай гісторыі Рымскай імперыі. Выкарыстоўваючы новыя метады,

Образец цитирования:

Ефременко ИА. Определение политической системы Римской империи периода принципата: историография проблемы. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;4:52–58.
EDN: FGRDQY

For citation:

Efremenko IA. The definition of the political system of the Roman Empire during the principate period: historiography of the problem. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;4:52–58. Russian.
EDN: FGRDQY

Автор:

Иван Анатольевич Ефременко – старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Ivan A. Efremenko, senior lecturer at the department of Russian history, faculty of history.
efremenkoivan1992@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7107-1365>

гісторыкі пачалі вывучаць практыкі прыняцця палітычных рашэнняў у імперыі, сімвалічны бок палітыкі, мову і мно-гія іншыя з'явы, якія раней заставаліся ў цені. У выніку спрэчак аб прыродзе сістэмы прыныцыпату (манархічнай ці рэспубліканскай) гісторыкі прыйшлі да разумення таго, што прыныцыпат быў спецыфічна антычнай формай палітычнай арганізацыі, якая не зводзіцца да манархіі ці рэспублікі.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; Рымская імперыя; Актавіян Аўгуст; імператар; прыныцыпат.

THE DEFINITION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE ROMAN EMPIRE DURING THE PRINCIPATE PERIOD: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

I. A. EFREMENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article analyses the historiographical study of one of the key issues in the political history of the Roman Empire. For over a century, historians have debated how to define the political system of the Roman Empire in the first two centuries AD. The solution to this problem was closely linked to changes in the methodological foundations of historical science and its approach to the study of historical sources. In the second half of the 19th and first half of the 20th centuries, historians, guided primarily by a positivistic approach, debated the essence of imperial power in the Roman Empire within the framework of the binary opposition between monarchy and republic. In the second half of the 20th century, many new approaches emerged in historical science: the theory of practices, the history of concepts, and poststructuralism, which, in turn, opened up vast expanses in the study of the political history of the Roman Empire. Using new methods, historians began to study the practices of political decision-making in the empire, the symbolic side of politics, language, and many other phenomena that had previously remained in the shadows. As a result of the debate about the nature of the principate system (monarchical or republican), historians came to the understanding that the principate was a specifically ancient form of political organisation, not reducible to a monarchy or a republic.

Keywords: historiography; Roman Empire; Octavian Augustus; emperor; principate.

Введение

Историография политической истории Римской империи периода принципата весьма обширна, она формировалась более 150 лет. Уже в начале систематического и научного изучения истории принципата произошло расхождение взглядов историков на вопрос определения политической системы империи в период с I по II в. н. э. Октавиан Август сохранил республиканские институты власти, существовавшие до его развития в Риме веками, «надстроив» над ними институт императорской власти. Кроме того, власть императоров была обязана своим укреплением и символическим авторитетом политическим, культурным и религиозным традициям. Сложность политической системы Римской империи вызывает дискуссии по вопросам происхождения и характера власти римских императоров. В связи с вышеобозначенной сложностью на разных этапах развития

историографии вопроса использовались различные методологии и подходы, которые, в свою очередь, приводили исследователей к разным выводам. Во второй половине XIX – начале XX в. господствовала позитивистская парадигма. Исследователи обращались прежде всего к изучению институтов власти, права, армии. На основе полученных данных историки определяли принципат либо как монархическую систему, либо как республиканскую систему с элементами монархии. Во второй половине XX в. зафиксированы изменения в области используемых историками методов. Появление в отмеченный период теории практик и методов постструктурализма обусловило пересмотр характера политической системы Римской империи, которая стала определяться как специфически античная и уникальная форма единовластия.

Результаты и их обсуждение

Первым сложилось «монархическое» направление в историографии Римской империи периода принципата. С точки зрения представителей данного направления власть императора по форме и характеру являлась монархической. Немецкий историк

конца XIX – начала XX в. Ю. Кэрст отстаивал концепцию, согласно которой власть римских императоров – это стадия развития античной монархии, сопоставимая с эллинистическими политическими системами [1, p. 118, 120–122]. Историк В. Гардтгаузен,

исследовав биографию первого императора и основателя системы принципата Октавиана Августа, предложил аргументы в пользу того, что император был монархическим правителем. По мнению автора, поскольку Октавиан Август воспитывался при дворе Цезаря, где были сильны монархические идеи, римский император не мог быть республиканцем [2, р. 92]. Более того, историк провел сопоставление между Октавианом Августом и своим современником Наполеоном III, указывая, что мировоззрение, а следовательно, политические практики управления этих властителей, являлось результатом влияния сложных антидемократичных эпох [2, р. 340]. Вместе с тем представители «монархического» направления утверждают, что римские императоры, начиная с Октавиана Августа, преобразовали политическую систему Римской империи, превратив ее из республиканской *civitas* (гражданской общины) в классическую монархическую систему, где монарх являлся обособленным от общества и стоящим над ним политическим актором, источником власти которого являлся уже не римский народ и сенат, а армия и божественные сферы [2, р. 381–382]. К представителям данного направления относятся также Ф. Б. Марш и Л. Р. Тейлор [3; 4]. Ф. Б. Марш полагал, что Римская империя периода принципата являлась очевидной монархией, а юридические нормы лишь маскировали ее под республику [3, р. 16]. Л. Р. Тейлор также настаивала на монархическом определении политической системы принципата, называя ее «монархией, которая рядилась в “катонизм”» (перевод наш. – И. Е.) [4, р. 180]. Вместе с тем в исследовательской оптике этого направления особое место занимал анализ бюрократического аппарата, который рассматривался как один из основных атрибутов, конституирующих монархию в Римской империи, так как полис или римская *civitas* – это государство без бюрократии, причем государство республиканское. Следовательно, если в эпоху республики не было бюрократии, а основная тяжесть управления ложилась на плечи выборных магистратов, то бюрократическая машина в таком случае выступала уже как элемент монархии. К приверженцам таких научных оценок можно отнести В. С. Сергеева. Он отмечает важную роль бюрократии и рассматривает основные этапы ее развития. Историк установил, что при императоре Клавдии в середине I в. н. э. в общих чертах создается бюрократическая система, которая берет свое начало от императора и идет вразрез с традиционными республиканскими магистратурами, а при Адриане бюрократия уже оформляется в аппарат, имеющий много сходств с современной гражданской властной системой, особенно в отношении порядка службы, иерархии и компетенции [5, с. 426, 512–513]. Еще один историк, придерживающийся подобной точки зрения, – С. И. Ковалев, в своем труде «История Рима» в части, посвященной исследованию исто-

рии Римской империи, был склонен отстаивать так называемую теорию фасада, согласно которой система принципата была монархической, а существование республиканских институтов было прикрытием монархических форм правления [6, с. 562–563]. Большое внимание изучению бюрократии в период принципата уделил и А. Л. Смышляев [7]. Он проследил эволюцию имперских канцелярских ведомств, сделав вывод о том, что к началу правления династии Северов главы канцелярий, входя в совет императора, решали важнейшие государственные дела, что позволяет квалифицировать, во всяком случае, поздний принципат как развитое бюрократическое государство [7, с. 108].

Между тем автором теории, согласно которой политическая система империи может быть определена как смешанная форма правления, стал один из основателей научной историографии по истории Древнего Рима Т. Моммзен [8]. Данная концепция конкурировала в историографии с «монархическим» направлением. Немецкий исследователь предлагает рассматривать политическую систему Римской империи как диархию. Под этим термином Моммзен подразумевал, что властные полномочия императора и традиционных республиканских институтов были совмещены в рамках римской политической системы. В частности, это касалось принцепса и сената, которые выступали двумя главными органами власти, что выражалось как непосредственно в области принятия политических решений, так и в области административного деления Римской империи на провинции императора и народа римского [8, с. 96]. Похожей позиции придерживался А. Х. М. Джонс, считавший, что власть Октавиана Августа носила монархический характер, однако принцепс вполне искренне пытался восстановить республику и многое сделал в этом направлении, особенно с точки зрения права [9]. Сходной позиции придерживался немецкий историк Х. Кастрициус, полагавший, что между принципатом и республикой имеется правовой континуитет [10].

Таким образом, в центре внимания историков конца XIX – первой половины XX в. находились институциональные и правовые стороны Римской империи периода принципата. Подобное положение определялось доминированием позитивистской парадигмы в исторической науке. Историки разделились на два основных противоборствующих направления – «монархическое» и «смешанное». Первые полагали, что характер власти римских императоров может быть определен как монархический, поскольку в I в. н. э. фиксируется появление и дальнейшее развитие бюрократического аппарата, разрушение римского гражданского коллектива, снижение роли сената и народных собраний. Им оппонировали представители «смешанного» направления, по мнению которых римское право периода принципата

являлось продолжением республиканского, римские императоры старались действовать в рамках республиканских политических должностей, придавая важное значение античным демократическим традициям. Между тем ни одно из представленных направлений нельзя назвать доминирующим. Историки, разделившись на два направления, вели спор около столетия. Консенсус в исторической науке был достигнут уже на следующем этапе развития историографии вопроса.

Изменения в способах интерпретации получаемых эмпирических данных в середине XX в., как и в целом смена парадигмы исследований, привели к появлению трудов несколько иного характера. Римская империя начала анализироваться с применением теоретических достижений различного рода направлений в историографии второй половины XX в., получивших название «Новая история», к которым относят теорию практик, историю идей, постструктурализм. Со второй половины XX в. подходы и методология исторической науки значительно обогатились. Одним из важных проявлений этого процесса стали междисциплинарность и общее направление на сближение со смежными научными дисциплинами (социологией, антропологией, психологией и др.), что, в свою очередь, серьезным образом повлияло на историков, занимавшихся политической историей Древнего Рима. Были смещены акценты с изучения римского права, истории политических институтов, биографий правителей в сторону исследований конкретных практик принятия политических решений, символической системы, ритуалов, повседневности и других аспектов политической жизни римлян, что позволило по-новому рассматривать историю Римской империи периода принципата, выйти за рамки прежних историографических споров.

Одним из самых ярких представителей этого направления, посвятивших свои исследования истории ранней Римской империи, был французский историк П. Вен [11]. Он, применяя теорию практик, продемонстрировал грани политической жизни Римской империи периода принципата на микроуровне. Исследователь уделил особое внимание восприятию гражданами римского законодательства, сходности практик почитания клиентом своего патрона и римских богов, социализации римского гражданина, выделив основные паттерны римской культуры. Проведя исследования в данных направлениях, П. Вен предлагает рассматривать императорскую власть как специфически римскую форму единоличного правления, основанную на социальных отношениях патрон – клиент [11, с. 133]. С точки зрения Вена, римский император являлся для жителей империи не столько монархом, сколько патроном и защитником общины [11, с. 137].

Сходную теорию выдвинул немецкий исследователь А. фон Премерштейн, считавший, что власть

римских императоров в своей основе имеет институт клиентелы [12, р. 63, 89]. Императоры выступали создателями партии, для которой сам принцепс был патроном, а их члены – его клиентами. Октавиан Август, придя к власти, опирался именно на свою партию, а подобные патрон-клиентские отношения постепенно были перенесены на всю римскую гражданскую общину [12, р. 63, 89]. На фундаментальную важность для политической системы Римской империи института патрона указывал и британский историк А. Уоллес-Хэдрилл [13].

Также необходимо выделить британского историка П. Брауна, исследовавшего период поздней античности, но уделившего значительное внимание и принципату [14]. П. Браун отводит первичную роль культуре и религии в анализе сущности Римской империи. На сходных концептуальных позициях стоит Э. Ремейдж, подчеркивающий важную роль культуры и религии в деле легитимации власти принцепсов [15]. Еще один британский историк – М. Грант – в своих работах уделил внимание политическим репрезентациям в эпоху Римской империи и отвел большую роль в укреплении власти принцепсов именно их символической политике [16; 17]. Историк настаивал на том, что римские императоры в правлении опирались более на *auctoritas* (личный авторитет провителя), чем на закон или политические институты вроде сената или комиций [17, р. 417, 421]. Необходимо также выделить современного британского историка М. Лавана, который использует в своих исследованиях постструктуралистский подход и подчеркивает особо важное значение языка и культуры для политической системы принципата [18]. К анализу государственно-правовой системы, применив современные методы, обратились немецкие историки Э. Флайг и Й. Бляйкен [19; 20]. Данные авторы выступили против прежних историографических заключений и предложили определять политическую систему периода принципата как специфически античную форму единовластия, не редуцируемую к монархии или республике.

Несколько особняком в концептуальном отношении находится британский исследователь Ф. Миллар [21]. Ученый, работавший в русле прагматического поворота в гуманитарных науках, выдвинул смелый проект по исследованию императорской власти в период принципата. Прагматический поворот предполагает, что основой для конституирования той или иной политической системы (и шире – социальной реальности) может служить исследование конкретных практик политического действия и принятия политических решений, а не законы и идеологии. Данный теоретический подход оказался чрезвычайно полезен и плодотворен для исследований сущности императорской должности в период принципата. Ф. Миллар начинает с утверждения о том, что император был тем, что он делал [21, р. 57]. И дальше на основании широкой массы источников британский историк выводит

картину монархической должности, которая между тем имела важную специфику. Ф. Миллар на основании деятельности императоров довольно убедительно показывает, что они были не столько реформаторами с «замашками» абсолютистских монархов периода раннего модерна, сколько специфически античными единовластными политическими акторами, главной обязанностью которых были выслушивание жалоб и решение конкретных проблем конкретных людей [21, р. 80–93, 99]. Этим вопросам императоры уделяли основное внимание. Между тем бюрократия в сущности по своему роду деятельности была не похожа на современную бюрократию или даже на бюрократию восточных держав того времени. Прокураторы, например, являлись скорее помощниками императора в его деле разбора жалоб и предложений, нежели администраторами, имеющими специальное образование и компетенции [21, р. 105]. Кроме того, Ф. Миллар ставит под сомнение и административные прерогативы императора. Традиционное деление империи на провинции римского народа и императора, видимо, имело место в законах, но в реальности в обоих видах провинций все тяготы управления ложились на плечи местных сенаторов – декурионов [21, р. 140, 144, 156–159, 196]. Фактически Римская империя представляла собой античную полисную империю, управляемую не через бюрократический аппарат, а через создание локальных полисов в провинциях империи, которым вверялась для управления вся округа. Иными словами, вместо административного бюрократического аппарата создавалась очень тонкая система, в рамках которой нижняя часть управления оставалась за республиканскими институтами, а высшей властной инстанцией выступал император, которому направлялись жалобы, предложения, почести. Данная работа Ф. Миллара является чрезвычайно ценной, поскольку показывает, в чем именно заключалась повседневная деятельность императора, какой была его роль в империи.

Таким образом, историки сместили акцент с вопроса «Чем был принципат юридически и институционально?» на вопрос «Как он функционировал на практике?». Это два разных вопроса, и ответ на второй вопрос во многом делает бессмысленными споры насчет первого, так как принципат оказывается специфической античной политической системой, попросту не укладывающейся в рамки прежних объяснительных моделей. На современном этапе развития историографии вопроса именно такая точка зрения является господствующей.

В русскоязычном сегменте историографии, посвященной политической и социальной истории Римской империи эпохи принципата (помимо названных выше В. С. Сергеева и С. И. Ковалева) второй половины XX в., необходимо выделить таких исследователей, как Н. А. Машкин, Е. М. Штаерман и А. Б. Егоров [22–24]. Данные историки подходили к анализу политической системы принципата с точ-

ки зрения формационного подхода. В рамках марксистской парадигмы особое значение придается экономической системе исторических обществ. В связи с этим советские историки обратились прежде всего к анализу социально-экономической составляющей Римской империи периода принципата. Н. А. Машкин в своей монографии рассмотрел преобразования, осуществленные Октавианом Августом, и дальнейшее развитие политической системы принципата. С его точки зрения, рождение новой политической системы при императоре Октавиане Августе было реакцией на выступления рабов [22, с. 417]. Концентрация власти в руках сильного военного лидера, консолидация вокруг его фигуры сената и патрициев, введение нового законодательства выступили, таким образом, новой, более эффективной формой контроля над рабами и беднейшими слоями населения, чем прежняя [22, с. 605]. Основное внимание социальной проблематике в контексте изучения политической системы периода принципата уделила и Е. М. Штаерман, проводящая исследования в русле советской историографической традиции. Е. М. Штаерман видела основную причину краха Римской республики в полном упадке крестьянского землевладения и переносе основы экономики на крупные латифундии, где трудились рабы [23, с. 92]. Таким образом, империя представлялась политическим ответом на изменившиеся социально-экономические реалии. С. Б. Егоров в своей монографии (2017) дал глубокий анализ основных институтов империи и их динамики, аккумулировав и подытожив все свои прежние исследования. С его точки зрения, экстраординарное положение Октавиана Августа в политической системе империи генетически восходит еще к республиканской эпохе и в особенности к народным трибунам, которые еще во второй половине II в. до н. э. превышали конституционные полномочия [24, с. 49]. Далее С. Б. Егоров последовательно анализирует институты сената, комиций, магистратур, особо важное значение уделяя правовой стороне принципата. С его точки зрения, *de jure* принцепс (титул императора в Римской империи) был республиканским высшим магистратом, вобравшим в себя полномочия главы и члена многих магистерских коллегий, что сделало римского императора монархом. В целом для С. Б. Егорова свойственен взгляд на принципат с точки зрения теории фасада [24, с. 170–171]. Вместе с тем для советской историографии был характерен повышенный интерес к вопросам сущности власти в Древнем Риме. В этом отношении примечательна дискуссия, развернувшаяся между антиковедами из разных стран по инициативе Е. М. Штаерман на страницах журнала «Вестник Древней истории» в 1989–1991 гг. Например, по данной теме свои статьи опубликовали Л. Капогресси-Колоньези, Р. Гюнтер, Е. М. Штаерман и мн. др.

Из современных историков, занимающихся политической и социальной историей Римской империи,

необходимо отметить К. В. Вержбицкого, Н. В. Чеканову, Я. Ю. Межеричского и В. С. Парфенова [25–28]. Так, К. В. Вержбицкий исследует вопросы оппозиции и политических конфликтов в период правления династии Юлиев-Клавдиев, акцентируя внимание на правовом аспекте. В частности, важное значение данный историк придает закону об оскорблении императорского величия, подчеркивая, что его правоприменение говорит о сущности власти императоров как о деспотической и монархической. Таким образом, К. В. Вержбицкий придерживается монархической теории в спорах о сущности принципата, по крайней мере, если речь идет о династии Юлиев-Клавдиев. Н. В. Чеканова провела исследования изменений института диктатуры в течение I в. до н. э. в контексте социальных и политических трансформаций, которые в конечном итоге привели к созданию системы принципата. Результатом этой работы стала книга «Римская диктатура последнего века республики», в которой автор провел системный анализ кризиса Римской республики, а также убедительно показал обесценивание многих республиканских магистратур, в том числе и диктаторской [26, с. 157]. Н. В. Чеканова видит прообраз сущности императорской власти во втором триумvirате, в рамках которого триумvиры получили широкий (особенно в территориальном значении) проконсульский империй, делавший триумvиров по сути монархами [26, с. 461]. В своем анализе Н. В. Чеканова склоняется к признанию принципата монархией. Интересный взгляд на принципат предложил Я. Ю. Межеричский. Российский историк рассматривает Римскую империю периода принципата как своего рода двойственную политическую систему, однако сочетающую в себе монархию и республику не в классическом историографическом смысле, а в специфическом римском смысле. С одной стороны, в Риме и Италии была введена цicerоновская новая смешанная конституция, уходящая корнями в римские общинные традиции прямой демократии. С другой стороны, над провинциями был установлен единоличный контроль со стороны Октавиана

Августа. По мнению Я. Ю. Межеричского, таким образом можно говорить о двоевластии, однако обе эти власти находились в руках одного человека [27, с. 821–822]. Необходимо также отметить, что в своей работе российский историк особое внимание уделяет именно символической и идеологической стороне принципата, что, принимая во внимание основные выводы монографии, позволяет отнести его концепцию к контексту современного историографического консенсуса, рассматривающего римскую политическую систему I и II вв. н. э. как специфически античную и комплексную. Необходимо выделить и монографию В. С. Парфенова. На первый план своего исследования В. С. Парфенов помещает рассмотрение армии и ее политической роли при Октавиане Августе. По мнению российского историка, Октавиан Август пытался контролировать политическое могущество армии в долгих завоеваниях, однако данная программа потерпела крах, из-за чего армия не была удалена из «большой политики» и продолжала выступать одним из ключевых политических акторов в период принципата [28, с. 212]. Монография В. С. Парфенова ценна прежде всего тем, что автор глубоко проанализировал роль армии в политической системе принципата и показал ее важнейшее значение.

Стоит также отметить работы белорусского историка С. В. Телепена, исследующего в своих трудах военное лидерство в Древнем Риме, в том числе в политическом аспекте, а также социальные структуры римской армии [29, с. 131–132]. Исследователь отмечает особую роль армии в политической борьбе еще со времен поздней республики, подчеркивая влияние легионов в электоральной борьбе [29, с. 17]. Более того, С. В. Телепень обоснованно выделяет армию в качестве одной из важнейших социальных основ власти принцевов периода принципата, замечая, что «служение императору, таким образом, в глазах войска означало служение Риму, а военное лидерство императоров представало атрибутом верховной политической власти, чем оно, по сути, и являлось» [29, с. 42].

Заключение

Историки второй половины XX – начала XXI в., изучавшие политическую историю Римской империи, внедрив в историческую науку новые методы, дали и новую трактовку римской политической системы периода принципата. Среди этих новых методов были теория практик (в рамках прагматического поворота), постструктурализм, история понятий. Благодаря трудам современных историков имперская система Рима первых двух веков начала рассматриваться как специфически античная форма единовластия, которая имеет ряд важнейших отличий от эллинистических монархий и тем более позднейших монархических систем. Эта тенденция в исторической науке, идущая за прагматическим поворотом в исто-

риографии, позволяет избавиться от классических историографических рамок, представленных бинарной оппозицией монархия – республика, и взглянуть на сущность принципата как более комплексной античной политической организации. Фактически современная историография деконструировала прежние историографические представления. Таким образом, на современном этапе принципат представляется сложной специфически античной политической системой, сочетающей в себе разные формы правления и скрепленной сложной структурой социальных, символических и практических отношений. Во-первых, это дает нам убедительный пример того, как историческая наука, произведя смену парадигм,

способна понять тупиковость прежних представлений об изучаемых проблемах и приблизиться к их истинному пониманию. По существу историография по конкретному вопросу в антиковедении об определении политической системы периода принципата является зеркалом общей эволюции исторической науки, сходные явления можно наблюдать и в других ее областях. Эволюция методов и подходов выступает одной из важнейших и перспективных тем, именно они позволяют правильно поставить вопросы и правильно на них ответить. Во-вторых, историография второй половины XX – начала XXI в. показывает, что политические системы обществ до индустриальной революции существенно сложнее, чем было принято считать ранее, и их типизация нуждается в доработке. Политическая система Римской империи не редуцируется к традиционным монархии или республике, а представляет собой полисную систему единовластия. Кроме того, представляется очень перспективным дальнейший пересмотр собственно имперской системы принципата, т. е. механизмов управления провинциями и покоренными народами.

Римская империя и здесь имеет ряд фундаментальных отличий от других традиционных империй (например, эллинистических монархий или Персидской империи), на что обращали внимание многие историки, однако по-прежнему этот аспект политической истории Римской империи нуждается в подробном изучении и переосмыслении. Применение новых методов исторической науки в данном направлении исследований, так же как и в случае с изучением формы и характера императорской власти, позволит существенно уточнить понимание феноменов античной монархии и империи. Именно этот вопрос на данный момент является наиболее актуальным и имеющим перспективы для изучения. Таким образом, современная историография истории Римской империи периода принципата находится в контексте таких актуальных в исторической науке парадигм, как теория практик, история понятий, постструктурализм. Это обстоятельство позволяет глубже и точнее анализировать такое сложное явление, как политическая система Римской империи, и получить при этом полные и убедительные выводы.

Библиографические ссылки

1. Kaerst J. *Geschichte der antiken Monarchie die Stoa und der Prinzipat*. Berlin: N. Jahrb. für Wissensch. und Jugendbildung; 1929. 600 p.
2. Gardthausen V. *Augustus zeit*. Leipzig: B. G. Teubner; 1891. 1333 p.
3. Marsh FB. *The reign of Tiberius*. London: Oxford University Press; 1931. 336 p.
4. Taylor LR. *Party politics in the age of Caesar*. Berkeley: University of California Press; 1968. 255 p.
5. Сергеев ВС. *Очерки по истории древнего Рима*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1938. 832 с.
6. Ковалев СИ. *История Рима*. Фролов ЭД, редактор. Ленинград: Ленинградский университет; 1986. 744 с.
7. Смышляев АЛ. Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II – начале III в. н. э. *Вестник древней истории*. 1981;3:91–108.
8. Моммзен Т. *История римских императоров*. Орестова ТА, переводчик. Санкт-Петербург: Ювента; 2002. 628 с.
9. Jones AHM. *Studies in Roman government and law*. London: Basil Blackwell; 1960. 243 p.
10. Castritius H. *Der römische Prinzipat als Republik*. Husum: Mattheisen; 1982. 120 p. (Matthiesen Verlag).
11. Вейн П. *История частной жизни. От Римской империи до начала второго тысячелетия*. Пятницына ТА, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2017. 800 с. (Культура повседневности).
12. von Premerstein AR. *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. Munich: Beck; 1964. 290 p.
13. Wallace-Hadrill A. *Patronage in Roman society: from republic to empire*. London: Routledge; 1989. 264 p.
14. Браун П. *Мир поздней античности*. Воронцов СА, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2024. 256 с.
15. Ramage E. *The nature and purpose of Augustus res gestae*. Stuttgart: Steiner; 1987. 168 p.
16. Грант М. *Двенадцать Цезарей*. Мишин ДВ, переводчик. Москва: Терра – книжный клуб; 1998. 272 с.
17. Grant M. *From imperium to auctoritas. A historical study of the aes coinage in the Roman Empire 49 B. C. – 14 A. D.* Cambridge: Cambridge University Press; 1946. 610 p.
18. Lavan M. *Slaves to Rome. Paradigms of empire in Roman culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. 288 p.
19. Flaig E. *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation im Römischen Reich*. Frankfurt: Campus verlag; 1992. 568 p.
20. Bleicken J. *Prinzipat und Republik. Überlegungen zum Charakter des römischen Kaisertums*. Stuttgart: Steiner; 1991. 437 p.
21. Millar F. *The emperor in the Roman world (31 BC – AD 337)*. London: Duckworth; 1977. 657 p.
22. Машкин НА. *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. Москва: Академия наук СССР; 1949. 685 с.
23. Штаерман ЕМ. *История крестьянства в Древнем Риме*. Москва: Наука; 1996. 200 с. EDN: UAKUUT.
24. Егоров АБ. *Рим: от республики к империи*. Санкт-Петербург: Наука; 2017. 311 с. EDN: IMHDKV.
25. Вержбицкий КВ. *Развитие системы принципата при императоре Тиберии (14–37 гг. н. э.)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2002. 258 с.
26. Чеканова НВ. *Римская диктатура последнего века республики*. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2005. 475 с. EDN: QBPBON.
27. Межеричский ЯЮ. *«Восстановленная республика» императора Августа*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке; 2016. 992 с.
28. Парфенов ВН. *Император Цезарь Август: армия, война, политика*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 279 с. EDN: SUQLRR.
29. Телепень СВ. *Полководец и его солдаты (период принципата). Военное лидерство в Древнем Риме*. Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина; 2020. 196 с.